

Первый ряд

Современная зарубежная проза

КРОЛИЧИЙ РАЙ

Ее мать болела долго. Никто не говорил, что она может умереть: ни отец, ни брат.

Но от сознания этого нестерпимо больно сжималось сердце.

Она не заплакала даже тогда, когда узнала о смерти матери. Она просто сидела, представляя себя со стороны: вот тринадцатилетняя девочка, у которой умерла мама. Теперь она из породы чужаков; каждое ее слово будет словом, сказанным сиротой, при каждом ее движении будут думать: так двигается сирота. Она станет постоянным напоминанием о том, что матери умирают. И поэтому она будет чужой.

Ее забрали на машине мамины друзья. Она побудет с ними несколько дней.

Много позже она поймет, что это было сделано ради отца, который в минуту слабости не мог вынести ее присутствия. Ему хотелось плакать, ходить по пустому дому и плакать. Брата тоже отослали — к его лучшему другу.

Она не хотела встречаться со своей подругой. Она боялась, что случившееся испугает ее; будто сама она была заражена смертью. Может быть, через некоторое время они смогут увидеться.

Но сейчас она одна, и никто ей не нужен.

Она сидела на заднем сиденье, в машине маминых друзей. Все молчали.

За окном был туман; из-за белых завес окрестности казались оцепенелыми и бескрайними, как будто мир реальности отправился в плавание и оставил после себя лишь столько своих фрагментов, чтобы сохранялось воспоминание о нем.

Они ехали мимо возделанных полей, которые терялись в тумане, словно берега несуществующего моря.

Она увидела лошадей, они стояли настороженные, неподвижные; две светлые лошади и одна темная. Словно сделанные из гранита. Древние, как рунические камни, они вырисовывались в молочно-белом тумане.

Так теперь выглядел мир. Он стал таким; без береговых линий, застывший в движении. Она сама перемещалась по нему, не чувствуя своего тела; она вся превратилась в одну-единственную мысль, в дрожь, бегущую по листве, не человеком рожденная, не имеющая ни начала, ни конца.

Ничто не могло ранить ее; она была далеко. Они не знали этого. Должно быть, они выдумывали какую-нибудь неправду, чтобы ее утешить. И потому молчали.

Они не знали, что ей ничего не нужно.

Когда машина нырнула под сосны и въехала на дачный участок, уже смеркалось.

Они сказали: «Вот мы и приехали, вылезай».

И там был дом — такой, в какие заходят живые люди.

Нет, она не смела войти туда. И у нее не было голоса, чтобы сказать им.

Она просто повернулась и сделала несколько шагов к калитке.

Как она смогла уйти одна? Наверное, они знали, что нужно отпустить ее.

Она шла вдоль дороги мимо заколоченных летних домиков. Лишь кое-где в окнах горел свет. Они походили на экраны телевизоров. Внутри двигались люди, варили кофе, сидели за столом.

По-прежнему лежал туман, насыщенный первой синевой сумерек. Было не холодно и тихо, как перед снегопадом.

Она шла вдоль прямых улиц, сама не зная, куда идет.

Вдруг она ясно почувствовала: в одном из домов лежит умерший человек. Он мог быть в любом из оставленных домов. Там пролежал

он, ненайденный, всю зиму — разлагающаяся куколка, из которой никогда не вылупится бабочка.

Ее мать лежала в земле. Девочка знала, что происходит там с человеческими телами.

«Это не имеет значения, — попробовала сказать она себе. — Тело — это всего лишь оболочка».

Но было поздно. К ней уже снова вернулось все человеческое. Словно волна боли, ее охватила тоска, ненависть, внезапное отвращение.

РУКА ТВОЕЙ МАТЕРИ В ТВОЕЙ РУКЕ, ГЛАЗА ТВОЕЙ МАТЕРИ ПЕРЕД ТВОИМИ ГЛАЗАМИ, ТЫ В СВОЕЙ МАТЕРИ, ТВОЯ МАТЬ В ТЕБЕ. МИР ТЕПЛОЙ КОЖИ, К КОТОРОМУ ТЫ ПРИЖИМАЛАСЬ.

От этого никуда не спрятаться.

Плач поднялся в ней, словно какое-то чужое существо.

Она шла все дальше в туман и в легкие сумерки, едва сознавая, где находится, пока не очутилась у ограды.

Дачный участок здесь заканчивался. Тропинка провела ее по незнакомому саду, и теперь перед ней была преграда — не символическая, но вполне ощутимая. Прочная калитка преграждала ей путь.

По другую сторону ограды виднелись частые, довольно низкорослые сосны. Это

место дышало открытостью, и тихое звенящее пение птиц доносилось оттуда, исполненное значения и странно неторопливое.

Она положила руку на массивную ручку, хотя знала, что калитка должна быть заперта.

Калитка плавно скользнула в сторону. Ей позволили войти.

Ни одна птица не взлетела. Ничто не изменилось с ее приходом.

Стоя под соснами, она слушала пение, его медленные каденции. Какое-то сладостное смакование было в них, как будто ребенок, оставленный один, притрагивается к клавишам пианино и изумленно вслушивается в звучание каждой ноты.

Она поняла, что находится в заповеднике; ее здесь не ждали, но и нежеланной гостьей она не была.

Меж сосен виднелась вересковая пустошь. Низкорослые можжевельниковые кусты тянулись кверху в невысокой траве. В них было какое-то движение — как будто они плыли.

Она поняла, что там, внизу, скрытое туманом, должно лежать море; что это море — то самое море, которое сейчас молчало и было тихим, как спящее чудовище, — что это оно обратило их в бегство, каждого на свой лад, одного — в обличье зверя, другого — в виде

волны или согнувшегося человека; все устремлены в одном направлении. Береговому лугу не было конца, в тумане он мог быть беспредельным — особый уголок мира из травы, населенной можжевельными существами.

Она ступила на траву. В тот же миг словно что-то проникло в нее; в этом уединенном уголке мира что-то говорило с ней, благословляло ее. Дрожь прошла по ней с обещанием: все одно целое, одно ничем не отличается от другого.

Она не понимала, что это было. Но оно держало ее.

«Сейчас оно утащит меня», — подумала она. Но не испугалась.

Потом оно отпустило — в тот миг, когда ее взгляд обратился на другое.

В сумерках и в тумане она увидела белые блуждающие огоньки кроличьих хвостов. Раньше зверьки сидели не шевелясь, но теперь они беззвучными прыжками передвигались среди кустов можжевельника.

Она стояла так же тихо и смотрела на них. Один за другим поднимали они свои белые хвостики-огоньки и делали прыжок — медленно, в такт блаженной неторопливости самого места.

Если береговой луг и можжевельник вечно были здесь, то кролики тоже были здесь вечно.

И вдруг она поняла: именно сюда попадают наши души; они вселяются в кроликов.

Казалось, тончайшая мембрана мешала ей покинуть свое неподвижное, вросшее в землю тело и перенестись в одного из них; в маленького крольчонка, который прижимался к своей матери, заглядывал в ее черный глаз, отражался в нем, читал там знак расставания и шел за ней в легкий туман, в Кроличий Рай.

Она стояла и смотрела на вересковую пустошь. Незаметно стало темнее. В сумерках туманный воздух мерцал, словно от мелкой сажи.

С узенькой опушки соснового леса донесся крик одинокой птицы: ты — человек. Скоро станет совсем темно.

Пора возвращаться.